

УДК 82

**«К ОДНОМУ ЭПИЗОДУ ИЗ ЖИЗНИ «МАЙОРА» КОВАЛЕВА.
ПУШКИН И ГОГОЛЬ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
«СОВРЕМЕННОЕ» (1836 г.)**

© Листов Виктор Семенович (2019), SPIN-code: 6433-3940, доктор искусствоведения, Новый институт культурологии (Москва, Россия), vslistov@mail.ru

В статье прослеживается, как на страницах петербургского журнала «Современник» пазывается тема Кавказа: в частности, речь идёт об особенностях государственной службы на окраине империи. Целью статьи является экспликация в произведениях русской литературной классики мотивов, определяемых так называемым «Указом об экзаменах» (1809), устанавливающим основы чиновничества в гражданских учреждениях. Материалом исследования стали путевые записки «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» А.С. Пушкина и повесть «Нос» Н.В. Гоголя, опубликованные соответственно в первом и в третьем томах «Современника». Отмечается, что в «Путешествии в Арзрум» Пушкин акцентирует внимание на привлекательности службы на Кавказе для титулярных советников, которые видели в ней возможность получения «только желаемого» чина VIII класса (коллежский ассессор) без прохождения экзаменационных испытаний. Данный фрагмент «Путешествия...» отсылает к сатирическому стихотворению А.Н. Нахимова «Элегия» (1809), что свидетельствует о неприязненном отношении Пушкина ко всеобщей погоне за чинами. Н.В. Гоголь в своих фантастических построениях также учитывает действие упомянутого «Указа об экзаменах». Так, «майор» Ковалев из повести «Нос» назван «кавказским коллежским ассессором», что для посвященного читателя сигнализирует о включенности героя в единый чиновничий организм, в котором значимость личности определяется степенью служебной лестницы, получение чина превращается в смысл жизни, а родственность понимается не как естественное свойство, а как явление государственное. Обращается внимание на то, что А.С. Пушкин, как ранее Н.М. Карамзин, выступал за упразднение экзаменов на чин. Делается вывод, что в «Современнике» Пушкина образ Кавказа теряет традиционный для литературы «золотого века» романтический ореол и рассматривается в социальном контексте, наполняется более сложными смыслами. Таким образом, статья предлагает оригинальное направление исследований пуш-

кинского «Современника», позволяет выявить ранее не изучавшиеся его особенности.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, А.Н. Нахимов, Кавказ, Табель о рангах, указ об экзаменах, чинопроизводство.

«Золотой век» русской словесности своим становлением и развитием обязан, главным образом, дворянскому сословию. Тут не может быть сомнений. Но, подтверждая это общеизвестное суждение, мы называем имена Державина, Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Гоголя, Вяземского и других писателей, отдавших многие годы жизни государственной службе. Можно сказать, одними и теми же перьями написаны и произведения литературной классики, и скромные служебные бумаги. Всё XIX столетие в среде людей образованных протекает на фоне придворного, канцелярского или казарменного быта. Ещё Ю.М. Лотман в одном из своих докладов в Московском музее Пушкина заметил, что вокруг поэта весьма редко можно было встретить взрослого барина, ни разу в жизни не надевавшего военный или статский мундир.

Наблюдения Лотмана по этому поводу мы попытаемся продолжить на материале томов пушкинского журнала «Современник» [Современник, 1836]. Именно здесь читатель находил и находит фактические и образные картины русской жизни первой трети XIX века, как бы пронизанные отношениями службы, чинопроизводства и чинопочитания. «Табель о рангах», введённая ещё Петром I, если угодно, выступает тут чем-то вроде конституции бюрократического государства.

В первом томе «Современника» Пушкин публикует свои записки – «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» [Современник, 1836, т. 1, с. 17-84]. В главе второй этого сочинения содержится красочное описание столицы Грузии – Тифлиса. Вот замечание, где автор отступает от зримых впечатлений; несколько строк из тех, что нечасто обращают на себя внимание исследователей:

«Русские не считают себя здешними жителями. Военные, повинаясь долгу, живут в Грузии, потому что им так велено. Молодые Титулярные Советники приезжают сюда за чином Ассессорским, толико вожделенным. Те и другие смотрят на Грузию как на изгнание» [Современник, 1836, т. 1, с. 43].

Характеризуя одну из особенностей службы на Кавказе, Пушкин весьма краток. И понятно почему. Вся тогдашняя образованная Рос-

сия во всех подробностях знала то, что можно было бы назвать историей вопроса. Ровно за двадцать лет до приезда Пушкина в Тифлис, в августе 1809 года, император Александр I издал указ Сенату «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в Коллежские Асессоры и Статские Советники» от 6 августа 1809 года [ПСЗРИ, т. I, XXX, 1808–1809, с. 1054–1057]. Указ был сочинён и написан известным реформатором М.М. Сперанским. Он мечтал превратить невежественных приказных в европейски образованных государственных служащих. Отныне каждый чиновник, претендующий на чин VIII класса (коллежский асессор) и выше, должен был предъявить диплом университета или аттестат, выданный особой университетской комиссией, об успешной сдаче экзаменов. Программа этих экзаменов публиковалась в составе самого указа. Как раз за такое нововведение русское чиновничество остро ненавидело либерала Сперанского.

Пушкин не просто понимал подробности борьбы канцелярских служащих против указа об экзаменах, но знал и конкретные способы, которыми чиновники обходили державные требования. Одна из таких возможностей содержалась в тексте самого указа. На Кавказе, сравнительно недавно присоединённом к России, университетов ещё не было. Поэтому чин VIII класса там можно было получить, не подвергаясь университетскому экзамену. Оттого — ясное дело — многие «умеренные и аккуратные» неучи кинулись в Тифлис и в другие кавказские грады и веси. Цена вожеленного чина весьма повышалась и тем, что коллежский асессор в ту пору получал потомственное дворянство. Обретая два высоких статуса: служебный и сословный, карьерист при первой же возможности возвращался в Россию и формально на равных соперничал с дипломированными коллегами за места и привилегии.

Именно такое положение вещей отражено Пушкиным в тифлисском эпизоде «Путешествия в Арзрум». Называя службу на отдалённой окраине империи «изгнанием», поэт, несомненно, вспоминает своё скучное канцелярское прозябание в Кишинёве и Одессе — ссылку, лишь лицемерно прикрываемую государственной необходимостью. Сам Пушкин не видел серьёзной жизненной цели в продвижении по ступеням служебной лестницы, что ясно выражено в его зна-

менных строках: «Не рвусь я грудью в капитаны / И не ползу в ассессора» [Пушкин, 1937–1959, т. 3, с. 259].

Тот же тифлисский эпизод включает в себе скрытую цитату. Выражение «чин Ассессора, толико вожделенный», заимствовано Пушкиным из стихотворения Акима Нахимова «Элегия», написанного в 1809 году – как раз на случай выхода александровского указа об экзаменах. Приведем несколько строк:

Восплачь, канцелярист, повытчик, секретарь!
Надсмотрщик возрыдай и вся приказна тварь! /.../
Беда коллежскому теперь секретарю,
О чин ассессора, толико вожделенный,
Ты убегаешь днесь, когда я восхищенный
Мнил обнимать тебя, как друга, как алтын;
Быть может, навсегда прости, любезный чин! [Нахимов, 1984].

Пушкин вполне разделял неприязнь А.Н. Нахимова (1772–1814) к «крапивному семени», к службистам, с их всеобщим помешательством на чинах, наградах, отличиях. Сегодня старый поэт-сатирик, родственник славного адмирала, забыт. Но современники почитали его заметным явлением на небосклоне словесности. Пушкин сравнивал его с Барковым [Пушкин, 1937–1959, т. 8, с. 961], а Белинский утверждал, что Нахимов составил себе громкое имя в литературе своего времени «постоянным вдохновением против кривосудия» [Белинский, 1979]. В наше время литературоведение с полным основанием подчёркивает генетическое родство произведений Нахимова с творчеством Гоголя. Так, итальянский исследователь С. Гардзонио указывает на общие элементы творчества Нахимова и Гоголя: «связь с украинской жизнью и культурой, обличение чиновников-грабителей, горькая ирония, зооморфное представление человеческих характеров» [Гардзонио, 2006].

Вне всякого сомнения, Гоголь хорошо знал и сам указ об экзаменах 1809 года, и те особенности его применения, о которых идёт речь. Для такого знакомства ему не нужны были ни обращения к своду законов, ни чтение сочинений Пушкина, Белинского, Нахимова и других авторов. Всё это было просто растворено в воздухе канцелярий, гостиных, усадеб, почтовых станций. Весомое тому свидетельство – повесть Гоголя «Нос», опубликованная в третьем томе пушкинского «Современника» [Современник, 1836, т. 3, с. 54–90]. Сам Пушкин с удовольствием рекомендовал своим читателям «Нос»

как шутку, в которой «так много неожиданного, весёлого и оригинального» [Современник, 1836, т. 3, с. 54]. Между тем, уже на первых страницах вещи, в эпизоде знакомства с главным героем, возникает мотив александровского указа об экзаменах и кавказского чиновничества.

Вот как представлен герой во второй главке повести:

«Но между тем необходимо сказать что-нибудь о Ковалеве, чтобы читатель мог видеть, какого рода был этот коллежский асессор. Коллежских асессоров, которые получают это звание с помощью учёных аттестатов, никак не лезь сравнивать с теми коллежскими асессорами, которые делались на Кавказе. Это два совершенно особенных рода. Учёные коллежские асессоры... Но Россия такая чудная земля, что если скажешь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры, от Риги до Камчатки, непременно примут на свой счёт. То же разумеи и о всех званиях и чинах — Ковалёв был Кавказский коллежский асессор. Он два года только ещё состоял в этом звании, и потому ни на минуту не мог его позабыть; а чтобы более придать себе благородства и веса, он никогда не называл себя коллежским асессором, но всегда майором /.../. По этому-то самому и мы будем вперёд этого коллежского асессора называть майором» [Современник, 1836, т. 3, с. 60].

Таким образом, Гоголь, так же как и Пушкин, прекрасно знает кавказскую уловку канцеляристов, позволявшую им смягчать суровые требования императорского указа 1809 года. Нетрудно представить себе, как Пушкин, читая приведенное место повести «Нос», живо вспоминает Тифлис, череду карьеристов, явившихся с севера, может быть, даже стихи Акима Нахимова, об асессорском чине «только возжеленном».

Комментаторы далеко не всегда отдавали себе отчёт в том, как преломляются в художественной ткани произведения реальные обстоятельства прошлого. Вот, например, объяснение, данное в одном из примечаний к «Носу»: «Кавказский коллежский асессор — чиновник 8-го класса, равный майору в военной табели о рангах. Приобретение этого чина на Кавказе облегчалось произволом и злоупотреблениями тамошней администрации» [Гоголь, 1952-1953, т. 3, с. 302]. Как видим, такого рода пояснения не выявляют основного содержания комментируемого текста. Сюжет ведь движется не столько произволом и злоупотреблениями местной администрации, сколько не-

внятностью, непрофессионализмом самого законодательства. Та же юридическая коллизия развернётся потом у Гоголя в «Мертвых душах», где сам государственный акт даёт повод для отступления от духа и смысла предлагаемых преобразований.

Тем самым на основе одной правовой ситуации составляется целая цепь литературных произведений, далеко выходящая за пределы бытового уклада учреждений, в коих личность определяется ступенью служебной лестницы, а повышение в чине едва ли не соразмеряется со смыслом жизни. В этой цепи (Нахимов – Пушкин – Гоголь) с ужасающей ясностью выявлена вся эфемерность существования человека в казённом бюрократическом мире. Тут всё зыбко, уклончиво, зависит от случайностей, трагических или смешных. Исходное раздвоение чиновника на собственно господина Ковалёва и отдельно на его Нос носит химерический характер. Вслед за Пушкиным эпизод можно и должно признать шуткой. Но шутка эта весьма серьёзная, едва ли не с трагическим привкусом. Она как бы продолжает «шутки» с этой подоплёкой, начатые у Пушкина в «Выстреле», «Моцарте и Сальери», «Пиковой даме». В пределах нашей темы особый смысл приобретает то обстоятельство, что оба действующих лица, переступившие границу между реальностью и фантастикой, всё-таки остаются в пространстве незыблемых правил, регулирующих служебные отношения.

Тут уместно будет вновь упомянуть замечательную догадку С. Гардзонио о том, что Нахимова и Гоголя среди прочего роднит «зооморфное представление человеческих характеров» [Гардзонио, 2006].

Ничто не мешает нам видеть всю бюрократию Российской империи как единый организм, существующий по своим, весьма специфическим законам. Регламентирован был каждый шаг служилого человека; начальство распоряжалось его поступками, мнениями, передвижениями – вплоть до вступления в брак и даже распространения собственных сочинений. Этому механизму, разумеется, принадлежал и господин Ковалёв, раньше служивший в малых чинах (титлярный советник?) где-то в забытой Богом канцелярии – стадная бессловесная скотина, просто непредставимая вне своего стада. Однако же один раз в жизни Ковалёв совершает поступок. Неспособность к образованию и следующий за тем тупик чиновничьего производства толкают его оторваться от привычных условий существования. Годы

добровольного «изгнания» на Кавказ чиновничий Нос переносит совершенно безропотно, не трогаясь с лица хозяина.

Но вот повышенный в чине, уже «майор», Ковалёв объявляется в Санкт-Петербурге. Два года проходят от обретения нового статуса, а Ковалёв всё не может найти себе места службы. Тому две причины. Во-первых, он кавказский коллежский асессор, т.е. для всех очевидный невежда, ловко преодолевший образовательный ценз. Читателю «Современника» это понятно без дальних слов. Во-вторых, служебные претензии «майора» совершенно несоразмерны чину VIII класса. Он ищет места вице-губернатора или, в крайнем случае, экзекутора в каком-нибудь видном департаменте [Современник, 1836, т. 3, с. 61]. Безнадёжно. В конце концов, коллежский асессор — это всего только первый «приличный» чин, недостаточный, конечно, для должности второго лица в целой российской губернии.

Нос в составе лица (тела?) «майора» Ковалёва понимает: тут тупик карьеры. Заметим пропорциональность положений: Ковалёв до Кавказа так относился ко всему чиновничеству, как Нос на своём месте теперь относится к самому Ковалёву. И тут, и там дальнейшее продвижение по службе затруднено непреодолимыми, кажется, обстоятельствами. Поэтому ушедшая в прошлое добровольная ссылка обиженного указом чиновника на юг совершенно аналогична нынешнему побегу Носа с лица хозяина. И тут, и там цель одна — преодоление важной ступени служебной карьеры. С этой точки зрения между «майором» и его Носом нет решительно никакой разницы.

Мы не берёмся заполнить оставленный Гоголем пробел в описании преображении Носа, выброшенного парикмахером с Исаакиевского моста в реку. У фантастики свои права всюду, даже и в областях зооморфизма и антропоморфизма. Но, однако ж, Нос, по Гоголю, сразу оказался и умнее, и удачливее своего хозяина. Уже на следующий день после исчезновения с лица Ковалёва он возникает на улицах Санкт-Петербурга, щеголяя мундиром и отличиями статского советника [Современник, 1836, т. 3, с. 62–63]. Ужас «майора» Ковалёва объясняется не только и даже не столько странным антропоморфным превращением, а тем, что онный Нос по Табели о рангах теперь обгонял своего хозяина на целых два чина. Между VIII классом (коллежский асессор) и V классом (статский советник) обретались целых два ранга — надворный советник и коллежский советник. Вот он-то, статский советник, пожалуй, реально мог бы как-то рас-

считывать на вице-губернаторское кресло. Как раз этим положением объясняется робость коллежского асессора в его единственном разговоре с Носом в Гостином дворе. Как же! Мундир статского советника расставляет действующих лиц в очевидном, единственно возможном порядке.

Когда коллежский асессор набирается смелости и намекает, что хорошо бы знать своё место и воротиться («Ведь вы мой собственный нос!»), то он, Ковалёв, прекрасно ощущает всю безнадёжность, всю проигрышность своей позиции. Ведь и сам же он, получив чин после побега с насиженного места, и не подумал вернуться в прежнюю службу. Для того ли он подвергался всем превратностям кавказской авантюры? Опять оказывается, что Нос и его хозяин как бы слеплены из одного теста – мука для этого теста размолота из того же самого «крапивного семени».

С поразительным бюрократическим мастерством Нос доказывает Ковалёву совершенную от него независимость: «Вы ошибаетесь, милостивый государь. Я сам по себе. При том между нами не может быть никаких тесных отношений. Судя по пуговицам вашего вицмундира, вы должны служить по другому ведомству. – Сказавши это, нос отвернулся» [Современник, 1836, т. 3, с. 65]. Близость, родственность понимается здесь не как природное, а уж тем менее как Божественное свойство, а как явление государственное. Или даже узковедомственное. Поэтому достаточным доказательством своей независимости от господина Ковалёва Нос полагает очевидную разницу форменных пуговиц на мундирных сюртуках собеседников. Соблюдение формальности, как всегда, весомее существа дела. В том же русле и попытки действующих лиц давать объяснения сверхъестественным казусам с помощью простого обывательского опыта повседневной жизни – примерно так, как один из игроков в «Пиковую даму» полагает тайну выигрыша трёх карт обыкновенным жульничеством («порошковые карты»). Потом, в XX веке, на подобном основании многое будет строится в булгаковской фантастике. В повести «Нос» таким простецом выступает седой чиновник из газетной экспедиции, принимающий объявления. Он, не войдя в фантастическую суть проблемы, полагает беглеца не Носом, а Носовым, дворовым человеком Ковалёва, к тому же укравшим при побеге деньги хозяина [Современник, 1836, т. 3, с. 71]. Обывателю не дано

судить о предметах, расположенных «выше сапога», выше обыденных суждений...

Но вернёмся к произведениям Пушкина, которые кое-что объясняют в сочинениях Гоголя — в том числе и в повести «Нос». Гоголь и вообще-то охотно признавал мощное влияние Пушкина на всё своё творчество. «Нос» тут, по-видимому, не исключение.

Вслед за Пушкиным Гоголь, конечно, не мог не знать о двух идейных позициях по вопросу о воспитании и образовании чиновничества и молодого дворянства, выявляемых в русской государственной мысли первой трети XIX века. Мы уже говорили об инициативе М.М. Сперанского, полагавшего первоочередной задачей державы обучение чиновничества, расширение его кругозора. Результатом, как мы видели, и был основополагающий указ об экзаменах. Главным неприятелем указа и основным противником Сперанского выступил Николай Михайлович Карамзин. Ещё в 1811 году он написал, а затем и подал высшим властям записку «О древней и новой России» [Карамзин, 1870], где остро возражал против преобразований, инициированных Сперанским. В их числе был и указ об экзаменах для обретения VIII класса по «Табели о рангах».

В чиновничестве Карамзин видел необходимое, неизбежное зло. Он полагал, что статский служащий не обязан знать ничего сверх пределов своей компетенции. Будущий историограф ссылаясь на европейский опыт. На Западе, по мнению Карамзина, чиновник скромно знал своё дело — и только. В этом месте поданная записка обретала черты памфлета. У нас, утверждал автор, сенатский секретарь должен знать свойства кислорода и других газов, вице-губернатор — Пифагорову фигуру, а надзиратель в сумасшедшем доме — римское право. В списке подобных несообразностей есть и такая: «У нас же председатель гражданской палаты обязан знать Гомера и Феокрита» [Карамзин, 1870, с. 2297].

Нам приходилось уже отмечать, что на этой реплике Карамзина основана знаменитая эпиграмма Пушкина на Онегина:

Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита [Пушкин, 1937–1959, т. 6, с. 6].

Герой романа здесь не обличает древних авторов. Выпад Евгения против «лишних» знаний основан на мнении Карамзина и может быть истолкован следующим образом: пусть Гомера и Феокрита изучают провинциальные карьеристы; он, Онегин, не служит и слу-

жить не будет, т. к. ничего «вожделенного» в ассессорском чине и вообще в чинах — не видит. Через три года после того, как строки первой онегинской главы легли на бумагу, у Пушкина появилась, хоть и принудительно, возможность написать нечто об экзаменах на чин. Осенью 1826 года поэт получил от Николая I задание повергнуть к стопам его величества записку «о воспитании юношества». Она и появилась тогда в делопроизводстве III отделения под заголовком «О народном воспитании». Пушкин шёл тут след в след за Карамзиным:

«Уничтожить экзамены. Покойный Император, удостоверясь в ничтожестве ему предшествующего поколения, желал открыть дорогу просвещенному юношеству и задержать как-нибудь стариков, закоренелых в безнравии и невежестве. Отселе указ об экзаменах, мера слишком демократическая и ошибочная, ибо она нанесла последний удар дворянскому просвещению и гражданской администрации, вытеснив новое поколение в военную службу. А как в России всё продажно, то и экзамен сделался новой отраслью промышленности для профессоров. Он походит на плохую таможенную заставу, в которую старые инвалиды пропускают за деньги тех, которые не умели проехать стороной. Итак, (с такого-то году) *молодой человек, не воспитанный в государственном училище, вступая в службу, не получает никаких выгод и не имеет права требовать экзамена.*

Уничтожение экзаменов произведёт большую радость в старых титулярных и коллежских советниках» [Пушкин, 1936].

На прямую зависимость записки Пушкина от записки Карамзина и даже на пересказ отдельных положений покойного историографа указал ещё в прошлом веке М.А. Цявловский [Пушкин, 1936]. Тем самым в основном решается вопрос о знакомстве поэта с карамзинской запиской и с полемикой вокруг указа 1809 года. Работая над своей повестью о «майоре» Ковалеве, Гоголь вряд ли был знаком с не опубликованными в то время потаенными «прожеками» Карамзина и Пушкина. Однако это не отменяет того очевидного факта, что «Нос» создавался в той общественной среде, которую они предлагали реформировать. Во всяком случае, Пушкин, пытался, хотя и безуспешно, публиковать обширный фрагмент записки «О древней и новой России» Карамзина в составе того самого журнала «Современник», в котором впервые увидел свет гоголевский «Нос».

* * *

Мы отдаём себе отчёт в том, что наши наблюдения вокруг «Путешествия в Арзрум» и «Носа» могут и не повлечь за собой прямо каких-то широких обобщений или обязывающих выводов. Но из таких наблюдений, может быть, складывается почва для многостороннего понимания литературной классики, для осознания той реальной среды, в которой протекали жизни Пушкина, Гоголя, а также и прототипов их героев-современников.

Позволим себе в заключение только один пример.

Нетрудно показать, что кавказская тема в «Современнике» далеко не исчерпывается путевыми записками Пушкина и фантастической шуткой Гоголя. В первом томе журнала находим очерк русского офицера из черкесов Султана Газы-Гирея под названием «Долина Ажигутай». Том второй содержит рецензию на книгу В.Н. Григорьева «Статистическое описание Нахичеванской провинции». В третьем томе читатель знакомился с анонимной статьей «Государственная внешняя торговля 1835 года в разных ее видах», в которой подробно разобраны коммерческие обороты на Кавказе. Наконец, в составе четвертого тома помещено стихотворение Лукьяна Якубовича «Урал и Кавказ», в котором Кавказ воспет, по слову Пушкина, как «подаватель струй целебных» [Современник, 1836, т. 4, с. 199].

Обобщённый образ Кавказа в литературе «золотого века», кажется, носит куда более возвышенный характер. Пушкин, Лермонтов и их многочисленные последователи нарисовали романтическую картину, где текут реки рая, где горы подобны облакам небесным, а человеческие страсти бурно кипят и не знают границ. Но здесь, на страницах пушкинского «Современника», романтический край предстаёт в ином, более сложном облике. Кавказская тема как бы снижена; вершины и ущелья населены тут не только славными разбойниками, доблестными офицерами и прекрасными горянками. Теперь нос чиновника Ковалёва вынюхивает здесь хитрые карьерные ходы, тульские заседатели лечат свои параличи, а разноплеменные коммерсанты следят за движением товаров и денежных потоков...

И всё это только одна из великого множества возможностей – обсуждать особенности издания, предпринятого поздним Пушкиным...

Источники и принятые сокращения

1. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений в 6 т. / [Вступит. Статья и примеч. Н.Л. Степанова]. – Москва: Гослитиздат, 1952–1953.
2. *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России // Русский архив, издаваемый при Чертковской б-ке библиотекарем Петром Бартеневым. – Москва, 1870. – Т. XII. – С. 2230–2350.
3. *Нахимов А.Н.* Элегия [Электронный ресурс] / А.Н. Нахимов. Сатира русских поэтов первой половины XIX в.: Антология. – Москва: Советская Россия, 1984. – Режим доступа: http://az.lib.ru/n/nahimow_a_n/text_1814_poe.shtml.
4. *ПСЗРИ* – Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. – Санкт-Петербург: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 48 т.
5. *Пушкин А.С.* О народном воспитании // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 6 т. – Т. 5. – Москва-Ленинград: Academia, 1936. – С. 529–533.
6. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений в 17 т. – Москва – Ленинград: Изд-во акад. наук СССР, 1937–1959.
7. *Современник.* Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. – Санкт-Петербург, 1836. – Т. I–IV.

Литература

1. *Белинский В.Г.* Россия до Петра Великого [Электронный ресурс] / Белинский В.Г. Собрание сочинений в 9 т. – Т. 4. Статьи, рецензии и заметки. – Москва: Художественная литература, 1979. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0390.shtml.
2. *Гардзонио С.* Николай Гоголь и Яким Нахимов (несколько размышлений о «мотиве лужи») // Критика и семиотика. – Новосибирск: Ин-т. филологии СО РАН, 2006. – Вып.8. – С. 68–73.

«TO ONE EPISODE FROM THE LIFE OF "MAYOR" KOVALEV. PUSHKIN AND GOGOL ON THE PAGES OF THE JOURNAL «SOVREMENNİK» (1836 г.)

© **Listov Victor Semyonovich (2019)**, SPIN-code: 6433-3940, Doctor of Arts, professor, New Institute of Cultural studies (Moscow, Russia), vslistov@mail.ru

The article traces how the Caucasus theme develops on the pages of the St. Petersburg journal *Sovremennik*: in particular, we discuss the features of public service on the outskirts of the Empire. The purpose of the article is to study the works of Rus-

20

sian literary classics to identify the motives, defined by the so-called "Decree on examinations" (1809), which established the foundations of promotion in ranks in civilian institutions. The study is based on the material of travel notes "Journey to Arzrum during the campaign of 1829" by A.S. Pushkin and the story "The Nose" by N.V. Gogol, published respectively in the first and third volumes of *Sovremennik*. It is noted that in "Journey to Arzrum" Pushkin focuses on the attractiveness of the service in the Caucasus for titular counselors, who saw it as an opportunity to obtain "the so coveted" Class-VIII rank (collegiate assessor) without passing examination tests. This fragment of "Journey..." refers to the satirical poem by A.N. Nakhimov "Elegy" (1809), which indicates Pushkin's hostility towards the universal pursuit of ranks. N.V. Gogol in his fantastic constructions also takes into account the effect of the aforementioned "Decree on examinations". Thus, the "major" Kovalev from the story "The Nose" is called the "Caucasian collegiate assessor", which for an initiate reader signals that the protagonist has been accepted into a unified official body, where the significance of a personality is determined by their place on the corporate ladder, where getting the rank becomes the meaning of life, and affinity is understood not as a natural property, but as a state phenomenon. The study stresses the fact that A.S. Pushkin, just like N.M. Karamzin before him, advocated the abolition of exams for ranks. We conclude that in Pushkin's *Sovremennik* the image of the Caucasus loses the romantic aura traditional for the "golden age" and is viewed in a social context, filled with meanings that are more complex. Thus, the article offers an original research direction of Pushkin's *Sovremennik*, revealing its previously unexplored features.

Keywords: A.S. Pushkin, N.V. Gogol, A.N. Nakhimov, the Caucasus, Table of Ranks, Decree on examinations, promotion in ranks.

Sources

1. *Gogol' N.V. Sobranie sochinenij v 6 t. / [Vstupit. Stat'ya i primech. N.L. Stepanova]. – Moskva : Goslitizdat, 1952–1953. (In Russ.)*
2. *Karamzin N.M. Zapiska o drevnej i novoj Rossii // Russkij arhiv, izdavaemyj pri Chertkovskoj b-ke bibliotekarem Petrom Bartenevym. – Moskva, 1870. – T. III. – S. 2230–2350. (In Russ.)*
3. *Nahimov A.N. Elegiya / A.N. Nahimov. Satira russkikh poehtov pervoj poloviny XIX v.: Antologiya. – Moskva: Sovetskaya Rossiya, 1984. – Available at: http://azlib.ru/n/nahimow_a_n/text_1814_poe.shtml. (In Russ.)*
4. *PSZRI – Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 12 dekabrya 1825 goda. – Sankt-Peterburg: Tip. 2-go Otdniya Sobstv. E.I.V. Kancelyarii, 1830. – 48 t. (In Russ.)*
5. *Pushkin A.S. O narodnom vospitanii // Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij v 6 t. – T. 5. – Moskva-Leningrad: Asademia, 1936. – S. 529–533. (In Russ.)*
6. *Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij v 17 t. – Moskva – Leningrad: Izd-vo akad. nauk SSSR, 1937–1959. (In Russ.)*

7. *Sovremennik*. Literaturnyj zhurnal, izdavaemyj Aleksandrom Pushkinym. – Sankt-Peterburg, 1836. – T. I–IV. (In Russ.)

References

1. *Belinskij V.G.* Rossiya do Petra Velikogo / Belinskij V.G. Sobranie sochinenij v 9 t. – T. 4. Stat'i, recenzii i zametki. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1979. – Available at: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0390.shtml. (In Russ.)
2. *Gardzonio S.* Nikolaj Gogol' i Yakim Nahimov (neskol'ko razmyshlenij o «motive luzhi») // Kritika i semiotika. – Novosibirsk: In-t. filologii SO RAN, 2006. – Vyp.8. – S. 68–73. (In Russ.)

Поступила в редакцию 10.01.2019